

Глава XXVI

Антианархистский закон об иммиграции всё-таки протащили через Конгресс, так что теперь ни один человек, сомневавшийся в необходимости существования правительства, не должен был получить разрешение на въезд в Соединённые Штаты. Таких людей, как Толстой, Кропоткин, Спенсер или Эдвард Карпентер, отныне могли не допустить на гостеприимные берега Америки. Слишком поздно нерасторопные либералы осознали опасность этого закона для прогрессивной мысли. Если бы они начали согласованно протестовать против действий реакционного элемента, документ бы не был принят. Однако непосредственным результатом этой новой нападки на американские права и свободы стала явная смена отношения к анархистам. Например, я теперь перестала считаться воплощением зла; наоборот, те самые люди, которые раньше относились ко мне враждебно, начали искать со мной встречи. Различные лекционные площадки, такие как Либеральный клуб Манхэттена, Философское общество Бруклина и другие американские организации, приглашали меня выступить у них. Я с радостью соглашалась, поскольку годами искала возможности достучаться до местной интеллигенции, рассказать ей о том, что такое анархизм на самом деле. На этих собраниях я завела новых друзей и встретила старых, среди них были Эрнест Кросби, Леонард Эббот и Теодор Шрёдер.

В клубе «Восход» я познакомилась со многими приверженцами прогрессивных идей. Среди наиболее интересных были Элизабет и Алексис Ферм, а также Джон и Эбби Кориел. Супруги Ферм стали моими первыми американскими знакомыми, чьи идеи по вопросу образования были мне близки. Но если я просто заявляла о необходимости нового подхода к ребёнку, то Фермы реализовывали свои идеи на практике. В «Доме для игр» — так называлась их школа — дети из близлежащих кварталов не были скованы жёсткими правилами и не должны были таскать с собой кипу тетрадей. Для них было предусмотрено свободное посещение занятий и обучение через наблюдение и практический опыт. Я не знала никого, столь хорошо понимавшего детскую психологию, как Элизабет, способную к тому же развивать в людях их лучшие качества. Они с Алексисом считали себя порядочными налогоплательщиками, но на самом деле по взглядам и образу жизни были анархистами. Было огромным удовольствием побывать у них дома, который и выполнял функции школы, и увидеть прекрасные отношения, царившие между ними и детьми.

Кориелы оказались не менее интересными людьми. Джон обладал исключительной глубиной ума. Впечатлил он меня тем, что был больше европейцем, чем американцем, и, более того, побывал в разных уголках света. В довольно юном возрасте он успел послужить консулом Соединённых Штатов в китайском Кантоне⁴, потом жил в Японии, много путешествовал и общался с огромным количеством непохожих друг на друга людей. Это помогло ему сформировать широкий взгляд на вещи, он стал лучше понимать людей. У Джона был настоящий писательский талант; он был автором первоначальных историй Ника Картера и заработал имя и деньги под псевдонимом Берт М. Клэй. Также он часто писал для журнала *Physical Culture* («Физическая культура»), поскольку его интересовали вопросы здоровья и

прельщала возможность свободно писать на тему, которая была ему по душе. Он был одним из самых щедрых людей, с которыми я была знакома. Его труды принесли ему целое состояние, из которого он почти ничего не оставил, щедрой рукой раздав всё нуждающимся. Но главной отличительной чертой Джона было его чувство юмора, которое не ограничивали даже его изысканные манеры. Кориелы и Фермы стали моими лучшими американскими друзьями.

Также я много времени проводила с Хью Пентекостом. Он сильно изменился с момента нашей первой встречи во время моего суда в 1893 году. Впечатления сильной личности он на меня не производил, но оставался одним из самых замечательных ораторов в Нью-Йорке. Каждое воскресное утро он давал лекции на социальные темы, и его красноречие привлекало широкую аудиторию. Пентекост был частым гостем в моей квартире, где, как он любил говорить, «чувствовал себя непринуждённо». Его жена, красивая женщина из среднего класса, сильно недолюбливала бедных друзей своего мужа, и внимание её целиком занимали влиятельные посетители его лекций.

Однажды я организовала небольшую вечеринку в своей квартире, Пентекост был приглашён на неё. Незадолго до назначенного времени я встретила миссис Пентекост и поинтересовалась, не желает ли она прийти. «Спасибо большое, — сказала она. — Я буду очень рада, обожаю бродить по бедным районам». «Разве это не удача? — заметила я. — В противном случае вы бы никогда не встречали интересных людей». Она не появилась на вечеринке.

В целом моя жизнь перестала быть такой серой. Работа медсестрой уже не изматывала, ведь несколько моих «подопечных» выехали из квартиры, сократив таким образом мои расходы. Теперь я могла побольше отдыхать между вызовами. Это позволило снова взяться за чтение, которое уже давненько было заброшено. Я наслаждалась своим новым опытом жизни в одиночестве. Можно было уходить и приходиться, не думая о других, а, возвратившись домой с лекции, я не сталкивалась с шумной толпой. Я знала себя достаточно хорошо, чтобы понимать: жизнь со мной не сахар. Ужасные месяцы после трагедии в Буффало привели меня к отчаянным попыткам снова вернуться к жизни и работе. Меня раздражал робкий радикализм людей с Ист-Сайда и юнцы, которые говорили о будущем, не делая ничего в настоящем. Я наслаждалась всеми преимуществами уединённой жизни, иногда разбавлявшейся компанией нескольких избранных друзей, самым лучшим из которых был Эд — уже не такой ревнивый, не контролирующей каждую мою мысль и каждый вздох, а способный беззаботно радоваться вместе со мной.

Довольно часто он приходил ко мне в разбитом и подавленном состоянии. Я знала, что причина тому — его отношения с женой, которые трещали по швам; он об этом, конечно, не говорил, но редкие нечаянные оговорки показывали мне, как он несчастлив. Однажды во время разговора он заметил: «В тюрьме я предпочитал одиночное заключение тому, чтобы делить с кем-то камеру. Непрестанное бормотание сокамерников доводило меня до безумия. Теперь же мне приходится слушать бесконечные разговоры, и у меня нет своего уголка, чтобы побыть одному». В другой раз он дал выход иронии в отношении девушек и женщин, которые притворяются, что следуют прогрессивным идеям, пока надёжно не захомутают мужчину, а затем отворачиваются от этих идей из страха потерять своего

кормильца. Чтобы подбодрить его, я переводила разговор в другое русло или расспрашивала о дочери. Его лицо сразу же становилось добрее, а уныние пропадало. Однажды он принёс мне фотографию малышки. Я никогда не видела такого явного сходства. Я была так тронута красивым личиком ребёнка, что, не подумав, воскликнула: «Почему ты никогда не приведёшь её со мной познакомиться?» «Почему? — ответил он гневно. — Мать! Мать! Если бы ты только знала её мать!» «Пожалуйста, прошу тебя, — стала уговаривать я, — не говори больше ничего. Я не хочу о ней ничего знать!» Быстрыми шагами он пересекал комнату, взрываясь потоками слов. «Ты должна, ты должна дать мне высказаться! — кричал он. — Позволь мне рассказать всё, что я так долго подавлял». Я пыталась остановить его, но он не обращал внимания. «Ярость и обида на тебя привели меня к этой женщине, — сказал он презрительно. — Да, и к пьянству. Я пил неделями после нашего последнего разрыва. Потом я встретил эту женщину. Я видел её на радикальных мероприятиях раньше, но она никогда для меня ничего не значила. Теперь же она меня возбуждала; я был доведён до иступления потерей тебя и алкоголем. И я повёл её домой. Я перестал работать и с головой ушёл в дикий разгул, надеясь стереть чувство неприязни, оставшееся после твоего ухода». С резкой болью в сердце я сжала его руку, воскликнув: «О, Эд, только не неприязнь!» «Да, да! Неприязнь! — повторил он. — Даже ненависть! Я чувствовал это тогда, потому что ты так легко предала нашу любовь и нашу жизнь. Но не перебивай меня: я должен выговориться».

Мы присели. Положив свою руку на мою, он продолжил, но уже более спокойно: «Пьяный дебош продолжался неделями. Я потерял счёт времени, я никуда не ходил, ни с кем не виделся. Я просто сидел дома, истощённый бесконечными попойками и сексом. Но однажды я проснулся с ясным рассудком. Я смертельно устал как от себя, так и от этой женщины. Очень грубо я сказал ей, что она должна уйти, что я никогда не наделял наши отношения смыслом и не рассчитывал на их продолжительность. Она сделала то, что обычно и делают женщины: сказала, что я жестокий и бессовестный оболъститель. Но осознав, что это не произвело на меня впечатления, она начала плакать и умолять, заявив в конце концов, что беременна. Я был потрясён: мне казалось, что это невозможно, но она не выдумала бы это нарочно. Денег у меня не было, а позволить ей обходиться своими силами я не мог. Я оказался в западне и был вынужден доводить дело до конца. Несколько месяцев под одной крышей показали мне, что у нас не было ничего общего. Всё в ней отталкивало меня: её пронзительный голос, заполнявший дом, бесконечная болтовня и сплетни... Всё это выводило меня из себя, и часто мне приходилось убегать из дома, но мысль о том, что она носит моего ребёнка, всегда приводила меня обратно. За два месяца до рождения дочери, во время одной из наших перебранок, она с нескрываемой злобой сообщила, что обманула меня. Она не была беременна, когда впервые об этом сказала. Тогда я решил бросить её, как только родится ребёнок. Ты будешь смеяться, но с рождением малышки я обнаружил в себе новые, странные для меня чувства. Она заставила меня забыть всё, чего мне не хватало в жизни. Я остался».

«Зачем себя мучить, Эд, дорогой? — я старалась утешить его. — Зачем ворошить прошлое?» Он легко отстранил меня. «Ты должна выслушать, — настаивал он, — ты имела отношение к началу истории, так что будет справедливо, если ты дослушаешь её до самого конца».

«Когда ты вернулась из Европы, — продолжал он, — контраст между нашей с тобой прошлой жизнью и моим теперешним существованием проявился ещё ярче. Я хотел забрать ребёнка и прийти к тебе с просьбой о любви ещё раз. Но ты была поглощена другими людьми и своей общественной деятельностью. Казалось, что ты полностью излечилась от того, что когда-то чувствовала ко мне».

«Ты ошибался! — воскликнула я. — Я всё ещё любила тебя, даже когда мы расстались». «Теперь я это вижу, дорогая, но в то время ты казалась мне равнодушной и отчуждённой, — ответил он. — Я не мог к тебе обратиться. Я пытался найти отдушину в ребёнке. Я стал читать и нашёл — да, нашёл — некоторое забвение в работах, о которых мы раньше спорили; я смог их лучше понять. Эмоции же мои притупились: я больше не содрогался от звука её визгливого голоса. Её обвинения сделали меня суровым и циничным. Кроме того, я нашёл способ отстраняться от этого бесконечного сотрясения воздуха», — добавил он с усмешкой. «Какой? — спросила я, обрадованная его смягчившимся тоном. — Возможно, мне бы пригодился этот метод при взаимодействии с некоторыми людьми». «Ну, понимаешь, — объяснял он, — я достаю свои часы, подношу их к лицу этой дамы и говорю, что я даю ей пять минут, чтобы закончить. Если по истечении времени она продолжит болтовню, то я ухожу из дома». «И это работает?» — поинтересовалась я. «Ещё как! Она бросается на кухню, а я иду в свою комнату и запираю дверь». Я засмеялась, хотя на самом деле мне хотелось рыдать от услышанного, ведь это происходило с Эдом, который всегда любил утончённость и покой, а теперь был вынужден участвовать в этих унижительных вульгарных сценах.

«Однако разрыв наконец наступил, — продолжал он. — Это должно было произойти, даже если бы мы с тобой не вернули своей старой дружбы. Наше расставание стало неминуемым, как только я начал осознавать влияние этих ссор на ребёнка». Он добавил, что долгое время ему не хватало средств, но сейчас он может себе это позволить: он заберёт ребёнка с собой в Вену и просит меня сопровождать его.

«Заберёшь ребёнка?! — воскликнула я. — А мать, что будет с ней? Ведь это и её дочь тоже, не так ли? Ведь дочка может значить для неё всё. Как ты можешь лишать её ребёнка?» Эд встал и поднял меня на ноги. Приблизив своё лицо к моему, он сказал: «Любовь! Любовь! Не ты ли всегда утверждала, что любовь среднестатистической матери либо душит ребёнка поцелуями, либо убивает его ударами? Откуда эта внезапная сентиментальность к бедной матери?» «Я знаю, знаю, дорогой, — ответила я. — Я не изменила своих взглядов. Тем не менее женщина переживает агонию родов, а после вскармливает младенца. Мужчина не делает почти ничего, и всё же он заявляет свои права на ребёнка. Ты разве не видишь, насколько это несправедливо, Эд? Поехать с тобой в Европу? Я бы поехала хоть сейчас, но я не могу позволить, чтобы у матери забрали ребёнка из-за меня». Он обвинил меня в том, что я не свободна; я, видите ли, была такой же, как все феминистки, которые обрушиваются на мужчину за зло, которое он якобы причиняет женщине, но игнорируют несправедливости, с которыми сталкиваются мужчина и ребёнок. Он же никогда не позволит своему ребёнку вырасти в атмосфере раздора.

Эд ушёл от меня в смятении от противоречивых эмоций. Мне пришлось признаться себе в том, что на самом деле именно я толкнула его в руки этой женщины. Я осознавала это так

же ясно, как и то, что, расставаясь с ним, я не могла поступить иначе. В любом случае причиной была я. Мне живо вспомнилась та ужасная ночь и поведение Эда; это было достаточным доказательством его агонии. Невозможно отрицать, что я сыграла роль в его несчастье; так почему тогда я отвергла его теперь, когда была нужна ему ещё больше? Почему я отказала ему в помощи, которую он просил для ребёнка? Женщина эта не значила для меня абсолютно ничего, так почему я должна испытывать угрызения совести за её утрату? Я всегда считала, что пройти через беременность и роды — это ещё не означает быть матерью, и всё же я была против того, чтобы Эд лишал её ребёнка!

После долгих размышлений я пришла к выводу, что мои чувства в отношении его жены были глубоко связаны с моей сентиментальностью по поводу материнства в принципе, с той слепой, немой силой, которая порождает жизнь в острых муках, растрачивая молодость и силу женщины и превращая её в преклонном возрасте в обузу для самой себя и для тех, кому она подарила жизнь. Всё это не позволяло мне участвовать в усугублении материнской боли.

Когда Эд пришёл в следующий раз, я попыталась объяснить это и ему, но он не слушал меня. Он сказал, что всегда считал меня человеком, способным рассуждать, как мужчина, объективно; теперь же он считает, что я привожу доводы субъективно, как все женщины. Я ответила, что способности к рассуждению большинства мужчин не впечатлили меня настолько, чтобы вызвать желание подражать им, и что я предпочитаю думать по-своему, как женщина. Я повторила то, что уже говорила ему: я буду чрезмерно счастлива поехать с ним, если он отправляется в одиночку, или навестить его в Европе какое-то время спустя, но я не могу убежать с ребёнком другой женщины.

Я боялась, что моя позиция бросит тень на нашу с Эдом новую дружбу, но он проявил всё величие своей души и согласился со мной. Его визиты стали замечательными событиями. Он планировал уехать в Европу в июне вместе с ребёнком.

Как-то раз, в начале апреля, он сообщил, что на протяжении всей недели будет занят. Его фирма планировала закупку большой партии дерева, и Эд должен был уехать из города на несколько дней. Но он обещал оставаться со мной на связи и телеграфировать, как только вернётся. Во время его отсутствия меня вызывали по ночам в Бруклин: нужно было выхаживать чахоточного мальчика. Поездки туда и обратно были долгими и изматывающими, я возвращалась домой очень уставшей, едва способной принять ванну, и засыпала, только лишь голова касалась подушки. Однажды ранним утром меня поднял из постели настойчивый и оглушительный звонок. За дверью оказался Тиммерман, которого я не видела больше года. «Клаус! — воскликнула я. — Что привело тебя ко мне в такой час?»

Он был необычайно тих и странно на меня смотрел. «Присядь, — сказал он наконец серьёзным голосом, — мне нужно тебе кое-что рассказать». Я недоумевала по поводу того, что могло случиться. «Это касается Эда», — начал он. «Эд! — воскликнула я. — С ним что-то не так? Он заболел? У тебя есть для меня послание?»

«Эд... — запнулся он, — у Эда больше нет посланий». Я выставила перед собой руку, будто пытаюсь оградить себя от удара. «Эд умер прошлой ночью», — услышала я дрожащий голос

Клауса. Я стояла напротив и сверлила его взглядом. «Ты пьян! — воскликнула я. — Этого не может быть!» Клаус взял меня за руку и нежно увлек на диван рядом с собой. «Я вестник несчастья; из всех твоих друзей именно мне пришлось быть тем, кто принесёт тебе эту новость. Бедная, бедная девочка!» — он робко гладил меня по волосам. Мы сидели в тишине.

Наконец Клаус заговорил. Он рассказал, как пошёл к Эду домой на ужин; прождал его до девяти часов, но Эд не возвращался; пора было уходить. В этот момент к дому подъехал извозчик. Кучер спросил, где находится квартира Брейди, утверждая, что сам мистер Брейди в телеге и ему плохо. Может ли кто-нибудь помочь его перенести? Вышли соседи и окружили телегу. Эд был внутри: он сидел, откинувшись на сидение, он был без сознания и очень тяжело дышал. Люди занесли его наверх, а Клаус побежал за доктором. Когда он вернулся, извозчик уже уехал, сообщив всё, что знал: он приехал по вызову в пивную около станции Лонг-Айленд, где нашёл джентльмена, скорчившегося на стуле и истекающего кровью — на лице был сильный порез. Он был в сознании, но мог сказать только свой адрес. Владелец пивной объяснил, что этот джентльмен заказал выпивку и стоял у барной стойки. Потом он расплатился и направился к туалету, а по пути внезапно споткнулся и упал мешком, ударившись лбом о стойку. Это всё, что он знал.

Доктор усердно работал, чтобы вернуть Эда к жизни, но всё было напрасно. Эд умер, не приходя в сознание.

Голос Клауса гудел у меня в ушах, но я едва слышала, что он говорит. Ничего не имело значения, кроме того, что Эд был ранен в компании знакомцев, брошен в телегу, один, в минуту самой большой нужды. О, Эд, мой чудесный друг, лишённый жизни в тот самый момент, когда был так близок к свершению своих мечтаний! Какая жестокость, бесчувственная жестокость жизни! Моё сердце разрывалось, в горле стоял ком, но заплакать не получалось, и ничто не могло ослабить горе, раздирающее мне душу.

Клаус встал со словами, что он должен уведомить других друзей и помочь с организацией похорон. «Я пойду с тобой! — заявила я. — Я снова увижу Эда». «Это невозможно! — запротестовал Клаус. — Миссис Брейди уже заявила, что не впустит тебя. Она сказала, что из-за тебя была лишена Эда при его жизни, и она не допустит тебя к нему теперь, когда он умер. Ты лишь нарвёшься на нежелательный скандал».

Я осталась наедине с воспоминаниями о нашей жизни с Эдом. Вечером пришёл Егор, потрясённый той же новостью. Он любил Эда и был охвачен горем. Его любезное участие растопило моё ледяное сердце. В его объятиях слёзы наконец нашли путь наружу. Мы сидели рядышком, говорили об Эде, о его жизни, его мечтах и преждевременной кончине. Наступил вечер, и я вспомнила о больном мальчике в Бруклине, который меня ждал. Да, я не рядом со своим мёртвым другом, но я хотя бы могу прийти на помощь своему молодому пациенту, который борется за жизнь.

Похороны всегда были мне отвратительны. Я считала, что они выражают горе, вывернутое наизнанку. Моя потеря была слишком глубокой для этого. Я пришла в крематорий, когда церемония уже закончилась, а гроб закрыли. Друзья, которые знали о связывавших нас с

Эдом узах, подняли крышку ради меня. Я подошла посмотреть на мёртвое лицо, такое прекрасное и умиротворённое во сне. Тишина вокруг делала смерть менее жуткой.

Вдруг пронзительный крик эхом прокатился по помещению, он повторялся снова и снова. Женский голос истерично кричал: «Мой муж! Мой муж! Он мой!» Визжащая женщина в чёрной вдовьей вуали, которая была похожа на вороньи крылья, бросилась между мной и гробом, отталкивая меня и закрывая телом мертвеца. Маленькая светловолосая девочка с испуганными глазами, задыхаясь от рыданий, цеплялась за платье женщины.

Минуту я стояла, оцепенев от ужаса, затем медленно пошла к выходу, чтобы быть подальше от этой омерзительной сцены. Думать в этот момент я могла только о ребёнке, об этой маленькой копии своего отца; теперь её жизнь станет совсем не похожей на ту, что планировал Эд.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 18:24:59

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 18 апреля 2025 18:25:14